

УДК 141.3

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_2_41

НОВОЯЗ КАК ДИСКУРС СИМВОЛИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ

Анна Михайловна Олешкова,

Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил, Россия, oleshkova@bk.ru

*Получена 15.01.2025.**Поступила после рецензирования 12.02.2025.**Принята к публикации 15.04.2025.*

Для цитирования: Олешкова А.М. Новояз как дискурс символического насилия // 2025. Т. 22. № 2. С. 41–53. https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_41

Аннотация

В статье представлена социально-философская концепция современного новояза в контексте теории символического насилия. Феномен новояза показан как синтез сетевого и идеологического языка. Охарактеризованы составные элементы новояза, определены черты, присутствующие и объединяющие разные институциональные дискурсы. Новояз – важная часть символического пространства. Современный новояз отражает противоположные тенденции интеграции и дезинтеграции в рамках оппозиций «свой – чужой», «мы – они». Новояз может одновременно способствовать объединению людей и разделению их на группы, воздействовать на то, как люди воспринимают себя и других, создавая различия между «нами» и «ими». Сетевой язык, использующийся в Рунете, стал средством политического или квазиполитического высказывания для разных субъектов. В данной статье за основу взяты концепты «машины», «сборки» (Жиль Делёз, Бруно Латур), символического насилия (Пьер Бурдьё, Славой Жижек), а также отдельные положения критической традиции социальной философии, в широком смысле представленной философией

© Олешкова А.М., 2025

М. Фуко, Франкфуртской школы и взглядами Славоя Жижека. Критическая теория является одновременно связующей нитью между двумя другими теориями и одновременно своеобразным кейсом, в котором есть место и для новояза, и для его критики. Обозначенные теории и концепты, учет процессов, которые проходят здесь и сейчас, в совокупности позволяют понять изменения, происходящие в современном обществе, а также уточнить понятия «власти» и «насилия» на примере функционирования современного новояза в сравнении с новоязом классической тоталитарной эпохи. Работы философов проанализированы при помощи логико-семантического и компаративного методов, примеры новояза приведены на основе словарей, интернет-комментариев, высказываний в СМИ, надписей, объединяющих онлайн- и офлайн-пространства современной культуры.

Ключевые слова:

новояз, квазиполитический язык, тоталитарный язык, власть, насилие, сборка, постмодернизм

UDC 141.3

DOI: 10.17506/18179568_2025_22_2_41

NEWSPEAK AS A DISCOURSE OF SYMBOLIC VIOLENCE

Anna M. Oleshkova,

Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute,
Branch of the Ural State Pedagogical University,
Nizhny Tagil, Russia,
oleshkova@bk.ru

Received 15.01.2025.

Revised 12.02.2025.

Accepted 15.04.2025.

For citation: Oleshkova, A.M. (2025). Newspeak as a Discourse of Symbolic Violence. *Discourse-P*, 22(2), 41–53. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/18179568_2025_22_2_41

Abstract

This article explores the socio-philosophical concept of *contemporary Newspeak* through the lens of symbolic violence. It presents *Newspeak* as a synthesis of Internet language and ideological discourse. The constituent elements that define *Newspeak* are characterized, and the features that unify various institutional discourses are identified. As a significant component of symbolic space, *Newspeak* reflects contemporary tendencies towards both integration and disintegration within the framework of the oppositions

Friend/Foe and *We/They*. It can simultaneously help unite people and divide them into groups, influence how people perceive themselves and others, reinforcing differences between “us” and “them”. The language used on the Internet, particularly within *Runet* has become a means of political or quasi-political expression for diverse actors. This article draws on concepts such as *machine* and *assemblage* (Gilles Deleuze, Bruno Latour), alongside with theories of *symbolic violence* (Pierre Bourdieu, Slavoj Žižek), and critical social philosophy, broadly contributed by Michel Foucault, the Frankfurt School, and Slavoj Žizek. Critical theory serves both as a common ground for these frameworks and as analytical lens through which to examine and critique *Newspeak* itself. Applying these theories to contemporary processes enables an understanding of societal transformations and offers a redefinition of key concepts such as *power* and *violence*, allowing for a comparative analysis between today’s *Newspeak* and its totalitarian predecessor. The analysis employed logical-semantic and comparative methods, drawing examples of *Newspeak* from dictionaries, Internet commentaries, media opinions, and statements that bridge the online and offline cultural spaces.

Keywords:

Newspeak, quasi-political language, totalitarian language, power, violence, assemblage, postmodernism

Введение

Современное общество претерпевает активные изменения, и язык не только фиксирует, но определяет и демонстрирует особенно важные сферы трансформаций. Изменения, которые происходят в языке, фокусируют внимание специалистов разных областей знания: не только филологов, но и политологов, историков, психологов, а также философов. Философия изобилует теориями, которые можно адаптировать под изучаемый вопрос, позволяя вскрыть самые сложные и нередко неочевидные механизмы, которые лежат в основе языка как одновременно способа репрезентации и конструирования реальности. Философский уровень рефлексии языковых процессов интересен и важен с разных сторон: позволяет увидеть потенциал межпредметной кооперации, охарактеризовать связь между такими явлениями, как язык, власть, идентичность, идеология.

«Дискурс» является комплексным явлением и сложным конструктом. Язык играет ключевую роль в формировании дискурса, поскольку через языковые конструкции говорящий субъект выражает свои мысли, убеждения и представления о мире. Власть связана с дискурсом через процессы определения того, чьи голоса и мнения признаются и доминируют в обществе, а также через контроль и распространение определенных дискурсивных практик, которые могут формировать и влиять на то, как люди воспринимают себя и других, а также какие группы признаются, нормализуются, рутинизируются или исключаются в обществе. Идеология играет роль в формировании дискурса путем определения ценностей, убеждений и норм, которые пронизывают языковые высказывания и определяют, какие идеи считаются приемлемыми или неприемлемыми в рамках общества.

Как и понятие «дискурс», термин «новояз» осмысливается в рамках разных научных областей знания. На сегодняшний день филологические исследования новояза представляются доминирующими (Гареева, 2020; Карташова, Полушина, 2024; Куликова, 2024). На примере зарубежных исследований мы видим интерес к данной проблематике с позиций политической лингвистики, психологии, семиологии, а также внимание к вопросам пропаганды, связям между индивидуальной и коллективной идентичностью (Joseph, 2017; Shadi, 2018; Walia, Chauhan, 2024).

Таким образом, решаемая научная проблема заключается в выявлении социально-философской природы современного новояза как дискурсивного феномена (Олешкова, 2023). Социально-философское измерение темы позволяет актуализировать следующие аспекты понятия «дискурса» и новояза как отдельного дискурсивного явления: сетевой дискурс, дискурс медиа, этика дискурса, дискурсивные практики мифотворчества, новостной дискурс, дискурсивная конструкция, критический дискурс, проблема манипуляции.

Новояз как предмет философского анализа

Сегодня понятие «новояз» можно встретить в нескольких значениях как в повседневном, так и академическом смыслах. С одной стороны, новояз – это все то, что отклоняется от литературной нормы. Чаще всего с таким языком мы сталкиваемся в общении в Сети. С другой стороны, новояз – это тоталитарный язык (Кронгауз 2023, с. 465). М. Кронгауз отмечает, что современный новояз отличается от новояза, предложенного Дж. Оруэллом. В отличие от примеров новояза, описанных на основе литературного и исторического дискурсов, современный новояз является более сложной системой, состоящей из взаимоисключающих механизмов. Новояз сегодня может не только скрывать транслируемые идеи, но и прояснять их при помощи образных выражений. Это происходит за счет сочетания вертикальной и горизонтальной коммуникации «говорящих субъектов» и благодаря включению новояза в разные институциональные дискурсы. Такая динамичность новояза как системы может быть осмыслена на уровне философского знания. С одной стороны, философия является наднациональным феноменом, который простирается за пределы конкретных культурных, географических или национальных границ. Изучение языковых процессов через философию, включая теорию постмодернизма, поможет раскрыть определенные устойчивые и общие проявления новояза в современной культуре и обществе. С другой стороны, отдельные направления в философии позволяют учесть политические и конкретно-исторические маркеры в функционировании символических систем, которые являются дискурсивными.

Варианты интерпретаций понятия «новояз» выводят нас на два смысла новояза, которые в современных политических и коммуникативных условиях сливаются в единый феномен. Во-первых, новояз – квазиполитический идеологический язык, в котором синхронизируется целый ряд оппозиций, результатом чего становится стигматизация условного Другого. Во-вторых, присущая новоязу субкультурность сегодня расширяется до массового использования, сохраняя при этом элементы субкультурного прочтения, что означает избирательное по-

нимание сказанного, прочитанного в зависимости от ценностных ориентаций говорящего субъекта, которые в том числе обусловлены разными медиапузырями (media bubbles), в которых могут пребывать говорящие субъекты. Такие «пузыри» или «эхо-камеры» способствуют самозамыканию коммуникации и радикализации циркулируемых в них оценок (Красиков, 2023, с. 158).

Исходя из определения понятия, современный новояз можно зафиксировать на разных рубежах новейшей истории России. С одной стороны, можно начинать с развития Рунета, т. н. олбанского языка и приравнивать новояз к интернет-сленгу, языку Сети, однако следует учитывать его способность к эволюции и выходу за пределы своей изначальной сферы бытования.

Слова и выражения, которые сперва не имели политического контекста, могут приобретать квазиполитический характер в зависимости от ситуации, в которой они используются. Например, фраза *постить котиков* в социальных сетях может быть ассоциирована с попыткой отвлечь внимание говорящих субъектов от политических дискуссий или событий, создавая своеобразный пассивный протест или уход от политических тем. Термины *тролли*, *троллинг* также могут приобретать политический оттенок, когда речь идет о людях, целенаправленно разжигающих конфликты или распространяющих дезинформацию в целях политической манипуляции. Понятие *квазиполитический* означает, что данные выражения или действия не являются прямо политическими, но могут быть интерпретированы как таковые в определенном контексте или с точки зрения конкретной аудитории, а также являются примером политизации изначально неполитических тем (религии, спорта, шоу-бизнеса и т. д.). Интернет-сленг, таким образом, становится основой современного новояза, который аккумулирует политическую повестку за счет использования повседневных выражений и оборотов в новых, иногда политизированных контекстах.

С другой стороны, можно начинать историю современного новояза с языка времен перестройки и 1990-х, который зафиксирован в словарях. И мы видим трансформации «старых» понятий, учитывающих новую, меняющуюся реальность, и попытку разговора между властью и обществом и внутри самого общества, фиксирующего полилог на разных языках, то есть новояз способен объединять одних и разъединять других, в том числе таким образом, что это разъединение не очевидно, так как фактически речь идет о существовании в параллельных реальностях. Кроме того, соединение политического и развлекательного (Грушевская, 2121, с. 168) позволяют говорить о карнавализации политического дискурса, при которой на первый план выходит эмоциональность говорящих субъектов.

Очевидное и неочевидное насилие в языке

Операциоанализация понятия *насилие* достаточно сложна, в том числе трудности связаны с определением деятельности, направленной на отстаивание конкретных политических интересов (Седых, 2023, с. 158–159). Символическое насилие представляется одной из ключевых особенностей современного новояза. В самом широком смысле слова речь идет о навязывании смыслов (Бурдьё, Пассрон, 2006). В этой связи нужно различать не только явный и скрытый пласты

насилия, что акцентируется в рамках дискурсивной методологии, прежде всего, в критических исследованиях дискурса (Ван Дейк, 2013), но и символическое проявление насилия.

Важную роль в развитии идей Макса Вебера о власти и легитимности через концепции о символической власти, капитале, насилии сыграли Пьер Бурдьё и Славой Жижек (Бурдьё, 2007; Жижек, 2010). Современный философ Жижек является тем примером исследователя, который реагирует на все изменения современного общества, что позволяет соприкоснуться с рефлексией на самые актуальные темы: от ковида (Zizek, 2020) до нового витка арабо-израильского конфликта¹. Тот факт, что академическое высказывание может быть представлено с левых позиций, с точки зрения новояза и критических теорий дискурса, обуславливает то, что в мир науки, философии приходят оценочные суждения, и важно разграничивать, в каком случае они являются нормой, а в каком мы имеем дело с манипуляцией и идеологией. В истории яркими примерами таких суждений являются системы языка Марра и генетики Лысенко. Позиционируясь как научные теории, они были тесно связаны с политической идеологией, которая оказывала влияние на научные исследования. Язык новых «научных» теорий был использован для поддержки определенных политических целей, контроля над научным знанием.

Символическое насилие осуществляется через культурные символы, нормы, ценности. В этой связи ключевым способом формирования асимметрии во взаимоотношениях между субъектами будет язык, но он же примиряет субъекта с его символическим пространством. В символических высказываниях есть большая и меньшая очевидность относительно разделения на «своих» и «чужих». Например, фраза (и изображение) *не смешите мои искандеры* может быть вполне конкретно понятой в условиях санкций и отношения к ним. При этом новояз обладает амбивалентной природой. Он одновременно отражает идеологию и является фильтром, противостоящим другому идеологическому воздействию. Символическое пространство говорящего субъекта защищено используемым новоязом. Например, если субъект использует выражения *средства массовой дезинформации или прокси-война*, он занимает критическую позицию в отношении истинности транслируемых в СМИ сведений. При этом подобные фразы, посредством которых субъект как бы подчеркивает, что он над процессом, вне влияния, вовсе не означает, что субъект свободен от идеологических оценок. В этих же фразах и заключается идеологическая оценка современного информационного и геополитического пространства (представляется, что понятие *геополитика* также можно считать новоязом с учетом его смысловой пластичности и актуализации в современных дискуссиях о межгосударственных отношениях), безапелляционный отказ любой прессе в объективности и заведомая скрытость события. Способность говорящего субъекта противостоять ложному информационному потоку не очевидна.

¹ Славой Жижек на церемонии открытия Франкфуртской книжной ярмарки: «Погодите аплодировать. Потому что когда я закончу, вы этого не сделаете» (2023, 19 октября). Взято 5 марта 2024, с <https://centerforpoliticsanalysis.ru/news/read/id/slavoj-zizhek-na-tseremonii-otkrytija-frankfurtskoj-knizhnoj-jarmarki-%C2%ABpogodite-aplodirotvat-potomu-chto-kogda-ja-zakonchu-vy-etogo-ne-sdelaeete%C2%BB>

Новояз сам неоднороден и состоит из взаимоисключающих категорий и образов, а также механизмов функционирования. С одной стороны, в современном новоязе реанимирована любовь к сокращениям и аббревиатурам, характерная для советского новояза. Достаточно привести примеры из педагогического дискурса: ОРКСЭ, ОДКНР, ППС, ОРГ, Педядро и др. По их употреблению без уточнения развернутого смысла можно понять «своего», того, кто понимает, что они означают. Отсутствие сарказма в изобилии аббревиатур по разным поводам и в разных сферах говорит о нормальности, приемлемости такого языка. Носитель новояза может проявлять самоиронию, языковую игру и творческое переосмысление привычных аббревиатур, например: ООН – *организация обеспокоенных (озабоченных) наций*. В этой связи новояз как бы внутри себя оказывает языковое сопротивление².

Новояз аккумулирует разные темы, так или иначе сводя их к политическим процессам и явлениям. Среди важных вопросов, которые можно выявить в речи говорящих субъектов, можно назвать следующие: военные действия, санкции, взаимоотношения с разными странами, новые законы и иные вопросы большой политики. Помимо таких глобальных тем, как правило, касающихся международной повестки, следует выделить блок вопросов по социальной политике, актуальных условий жизни общества: проблемы жилищно-коммунального хозяйства, медицины, образования и др. Данный перечень тем можно продолжить. Объединяющим началом представляется историософская линия, позволяющая говорящему субъекту не только выразить свою оценку политическому режиму и отношениям России с другими странами, а также к историческому прошлому, но и определить «цивилизационный» статус России. Темы в подобной оптике достаточно сложно оставить в сугубо научных, безоценочных категориях. Интересный термин в этой связи предложил В.И. Красиков, характеризуя синтез мемуаристики и публицистики, – *мем-публицистика*. При этом автор справедливо отметил органичность такого наименования с учетом популярности в культуре интернет-мемов (Красиков, 2023, с. 161).

(Пост)модернизация насилия в языке и новая нормальность

Термин в подзаголовке подразумевает неоднозначность соотношения нового и старого в современном новоязе. Новая нормальность отсылает нас к этическому и правовому аспектам в речи. Мы не касаемся такого вопроса, как лингвистические экспертизы, которые определяют наличие противоправных элементов в тексте. Однако отметим, что само их наличие и споры вокруг их результатов подтверждают сложность анализа целого комплекса проблем, связанных с символическим насилием.

Символизация насилия связана в том числе и с тем, что пространство потенциального насилия сложно предсказать. «Сборка» ограничений, условностей и трактовок не имеет единой точки и внутренней логики. Концепт «сборки» позволяет переосмыслить культуру и общество модерна. Новояз сохраняет

² Купина, Н.А. (1995). *Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции*. Екатеринбург; Пермь: Изд-во Урал. ун-та. С. 98

признаки и модерна, и постмодерна. С одной стороны, в современном новоязе остаются признаки тоталитарного языка XX века, но с другой, он реагирует на изменчивость мира, на те метаморфозы, которые можно назвать парадигмальными. Изменились время и пространство, возникла новая реальность виртуального мира, в котором важное место занимают социальные сети и горизонтальные коммуникации. Представляется, что в таких новых для себя условиях новояз выполняет функцию «сборки» этой новой реальности, состоящей из противоречивых и даже взаимоисключающих элементов. Процесс порождения этой новой реальности подразумевает многовариантность соединения формы и содержания сказанного. Само содержание дискурса, то, что манифестируется через новояз, можно представить через следующие оппозиции: светское – религиозное, научное – обывательское, либеральное – консервативное, официальное – неофициальное и т. д. Так, в правовом плане появляются образные выражения, которые акцентируют смысловые, ценностные, реперные точки для говорящего, дающего оценку действиям другого субъекта: *закон об оскорблении чувств верующих, закон подлецов, закон о негодяях* и др.

«Сборка» сочетает несочетаемое и разнородное, однако является функционирующей системой. Симптоматично, что концепт «сборки», с одной стороны, можно считать современным новоязом, например, в контексте публичных заявлений о воспитании нового человека³. С другой стороны, это понятие относится к философии постмодерниста Жюль Делёза (Делёз, Гваттари, 2008, с. 449–454), также оно вынесено в заголовок романа Хулио Кортасара⁴. Вывод, который мы можем сделать из подобного кажущегося диссонанса, состоит в том, что речь условного Другого может быть оценена пределами компетенции говорящего субъекта и пониманием реальности как реальности метатекста и интертекстуальных связей между его компонентами. Также важно отметить, что концепт «сборки» относится к акторно-сетевой теории. Социальное не сводится только к человеческому (Латур, 2014, с. 63). Единицами в социальных отношениях могут выступать артефакты, животные, технологии. С учетом развития чата GPT (Генеративный Предобученный Трансформер) и возможности выстраивания диалога между человеком и искусственным интеллектом язык начинает играть роль медиатора между несоединимыми пластами социального, в том числе маркируя явления и субъектов, связанных с ними, как допустимые и недопустимые, сочетая политическое и неполитическое.

Социально-символическое насилие является следствием самопроизвольности среды (Жижек, 2010, с. 32), в частности, среды, которая «собрана» из разных элементов и в которой находится говорящий субъект. Являясь квазиполитической формой коммуникации, новояз вписывается в концепт «идеология» и с точки зрения идеологии как скрытой структуры, и с точки зрения идеологии как ложного или единственно возможного сознания.

При этом нужно понимать, что новояз можно трактовать как пример языка единого коллективного субъекта. Картина мира говорящих на этом языке

³ Машков предложил Путину проработать проект «Воспитание» (2024, 31 января). Взято 5 марта 2024, с <https://ria.ru/20240131/proekt-1924603623.html>

⁴ Кортасар, Х. (2022). *Счастливики*. 62. Модель для сборки. Москва: АСТ.

субъектов связана не только с национально-культурной сферой, но и с государственно-политической⁵.

Отмеченная выше эклектика новояза, его способность заполнить собой все возможные контексты и встроиться в разные институциональные дискурсы могут быть объяснены, с одной стороны, отсутствием однозначной сформулированной национальной идеологии, выработанной со стороны элит с другой – попытками предложить определенную ценностную парадигму, которая не столько вербализирована «сверху – вниз», сколько стала следствием большого перечня факторов, нуждающихся в междисциплинарном осмыслении: через психологию, политологию, экономику, историю, социологию, лингвистику, философию, культурологию, антропологию. Можно сказать, что новояз стоит рассматривать как симптом гомогенного идеологического пространства. Современный новояз заполнил идеологический вакуум и стал способом коммуникации разных говорящих субъектов как по вертикали, так и по горизонтали.

Вместе с тем субъекты, говорящие на одном новоязе, представляют собой единое лингвокультурное сообщество. Степень их общности, понимания транслируемых смыслов усиливается, если новояз они узнают и в Сети, и за ее пределами. Речь идет не столько об Анониме N, сколько о представленности того или иного дискурса во множественном значении. О понимании и принятии субъектов друг другом, об исключении Других из данного дискурса. При этом эти Другие тоже кого-то исключают. Так, феномен троллинга и наличие ботов в сетевой коммуникации позволяет по-новому посмотреть на метафору *человек без органов* (Делёз, 2011, с. 120), которая отражает нечто текучее, нестабильное. С одной стороны, речь идет о состоянии освобождения от социокультурных и биологических ограничений, способности создать новые социальные связи, можно сказать, новые формы жизни. С другой стороны, это нечто, не являющееся ни человеком, ни машиной. Перед нами гибридная форма существования, способная на творчество в заданных условиях, но лишенная статуса субъекта. Говорящий субъект в Сети – аноним, то есть тело без органов.

В рамках концепта «ризомы» символическое насилие проявляет децентрализованный, десубъективизированный и деинституциональный характер. Являясь способом реализации власти, новояз, точнее, означающее в новоязе можно представить в виде цепочек, состоящих из знаков, которые сами не являются означающим. Такой язык похож на жаргон, являющийся открытой и многозначной формацией (Делёз, Гваттари, 2008, с. 65–66). Семантические и логические связи в новоязе произвольны и безразличны к своему носителю. Язык очерчивает рамки нашего мышления и восприятия реальности. Говорящий субъект не может контролировать влияние языка на себя. Можно согласиться, с тем, что «нет ничего вне текста», что говорит об аподиктической неустранимости идеологии. Новояз ответственен за идеологические импликации. Идеология фактически является Господином, который заставляет говорящего Несубъекта создавать Другого, тотальной радикализацией и политизацией, когда полити-

⁵ Купина, Н. А. (1995). *Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции*. Екатеринбург. Пермь: Изд-во Урал, ун-та. ЗУУНЦ, 1995. С. 3.

ческое растворяется в культурном, а норма сложно воссоздаваема, поскольку «что секретно, а что нет» также является секретным (Жижек, 2014, с. 269).

Заключение

Новояз сочетает в себе разные дискурсы: от академических категорий до ненормативной лексики. Релятивность знания, которым оперирует говорящий субъект, связь знаний с властью через разные дискурсивные практики (от комментариев в Сети до изображений прецедентных для «своих» символических образов) позволяют говорить о рассеивании (в терминологии Мишеля Фуко) новояза, когда он распадается и разбрасывается в разных институциональных дискурсах. Этот процесс рассеивания дискурса имеет ряд последствий. Во-первых, он приводит к тому, что власть и знание, артикулируемые через новояз, распределены по различным институтам и практикам, что нивелирует единую истину или центральный авторитет и позволяет рассматривать этот процесс рассеивания в категориях случайной «сборки», когда формирующие правила и нормы действуют как *ad hoc* постулаты. Во-вторых, рассеивание дискурса создает возможности для субверсии, порождает оппозиции внутри новояза в виде прямого противостояния (*либераст – православнутый* и др.). Таким образом, рассеивание новояза указывает на то, что доминирующий дискурс, в котором в данный момент сосредоточена сила и власть, не является статичным и централизованным, а скорее разнообразным и разбросанным по различным областям и практикам.

Современный новояз способен одновременно высвечивать и затемнять репрезентируемую и конструируемую реальность. Важную роль в новоязе играют исторические параллели, аллюзии, позволяющие актуализировать темы, которые являются важными для говорящего субъекта, прежде всего, в широком смысле – цивилизационные основания в разных полярных спектрах: «либерализм – консерватизм», «Запад – Восток», что в конечном счете определяет позиции говорящих субъектов по линии «Свой – Чужой».

Осмысление трансформаций современного политического языка позволяет рассматривать новояз как специфический дискурсивный феномен, связанный с осмыслением соотношения таких важных концептов, как *идентичность, идеология, символическое насилие*.

Новояз является не только способом сборки реальности, но и средством входа в символическое пространство политики, в котором не всегда сразу бывает понятным, кто может оказаться «своим», а кто – «чужим». Новояз как эффективный инструмент дискурсивной корректировки образов реальности с помощью механизма «свой – чужой» является одним из действенных способов управления массовым сознанием и надежным властным ресурсом.

Список литературы

1. Бурдье, П. (2007). *Социология социального пространства*. Москва: Ин-т эксперимент. социологии; Санкт-Петербург: Алетейя.

2. Бурдые, П., Пассрон, Ж.-К. (2006). Основы теории символического насилия (фрагменты из книги; пер. с фр. Н. Шматко). *Вопросы образования*, (2), 39–61.
3. Ван Дейк, Т. (2013). *Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации*. Москва: Либроком.
4. Гареева, Л.М. (2020). Современный русский новояз: разновидности и тенденции развития. *Международный научно-исследовательский журнал*, (6–3), 119–121. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.101>
5. Грушевская, В.Ю. (2021). Дискурсивные особенности молодежных видеоблогов в российском сегменте YouTube. *Дискурс-Пи*, 18(3), 160–175. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_160
6. Делёз, Ж. (2011). *Логика смысла*. Москва: Акад. проект.
7. Делёз, Ж., Гваттари, Ф. (2008). *Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения*. Екатеринбург: У-Фактория.
8. Жижек, С. (2010). *О насилии*. Москва: Европа.
9. Жижек, С. (2014). *Накануне Господина: сотрясая рамки*. Москва: Европа.
10. Карташова, Е.П., Полушина, Е.А. (2024). Советский идеологический дискурс в художественной прозе и драматургии М.И. Арбатовой. *Вестник Марийского государственного университета*, 18(1), 92–99. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-1-92-99>
11. Красиков, В.И. (2023). В столетнем цивилизационном противостоянии: преодолимы ли расколы и политическая вражда в России? *Дискурс-Пи*, 20(2), 154–163. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_154
12. Кронгауз, М.А. (2023). *Русский язык на грани нервного срыва*. Москва: АСТ.
13. Куликова, К.С. (2024). Полилингвальная составляющая артланга на примере языка миньонов. *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, (2), 60–65.
14. Латур, Б. (2014). *Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию*. Москва: Издат. дом Высш. шк. экономики.
15. Олешкова, А.М. (2023). «Новояз» как способ дискурсивного конструирования идентичности. *Общество: философия, история, культура*, (4), 68–73. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.4.9>
16. Седых, Т.Н. (2023). Концепция ненасилия Джудит Батлер: взгляд теоретика феминизма на проблемы борьбы с насилием в современном обществе. *Дискурс-Пи*, 20(1), 155–167. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_155
17. Joseph, J. (2017). The concrete and the abstract in the language of politics. *Rivista di psicolinguistica applicata*, 17(2), 97–112. <https://doi.org/10.19272/201707702006>
18. Shadi, M. (2018). The principles of Newspeak or how language defines reality in Orwell's 1984. *Journal of International Social Research*, (11), 180–186. <https://doi.org/10.17719/jisr.2018.2627>
19. Walia, R., & Chauhan, L.R. (2024). An Examination of the Pragmatism and Practical Application of Orwell's Newspeak via the Application of Saussure's

Theory of Semiology. *International Journal of Novel Research and Development*, 9(4), 26–37. <https://doi.org/10.1729/Journal.38938>

20. Zizek, S. (2020). *Pandemic! COVID-19 Shakes the World*. New York: Polity.

References

1. Bourdieu, P. (2007). *Sotsiologiya sotsial'nogo prostranstva* [Sociology of Social Space: collection of articles]. Moscow: In-t eksperiment. sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya.
2. Bourdieu, P., & Passeron, J.-C. (2006). *Osnovy teorii simvolicheskogo nasiliya* (fragmentsy iz knigi) [Foundations of a Theory of Symbolic Violence (excerpts from the book)]. *Voprosy obrazovaniya*, (2), 39–61.
3. Deleuze, G. (2011). *Logika smysla* [The Logic of Sense]. Moscow: Akad. proekt.
4. Deleuze, G., & Guattari, F. (2008). *Anti-Edip. Kapitalizm i shizofreniya* [Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia]. Ekaterinburg: U-Faktoriya.
5. Dijk, T. van A. (2013). *Diskurs i vlast': Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power]. Moscow: Librokom.
6. Gareeva, L.M. (2020). *Sovremennyy russkiy novoyaz: raznovidnosti i tendentsii razvitiya* [Modern Russian Newspeak: Varieties and Trends of Development]. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, (6–3), 119–121. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2020.96.6.101>
7. Grushevskaya, V. Yu. (2021). *Diskursivnye osobennosti molodezhnykh videoblogov v rossiyskom segmente YouTube* [Discursive Features of Youth Video Blogs in the Russian Segment of YouTube]. *Diskurs-Pi*, 18(3), 160–175. https://doi.org/10.17506/18179568_2021_18_3_160
8. Joseph, J. (2017). The concrete and the abstract in the language of politics. *Rivista di psicolinguistica applicata*, 17(2), 97–112. <https://doi.org/10.19272/201707702006>
9. Kartashova, E.P., & Polushina, E.A. (2024). *Sovetskiy ideologicheskii diskurs v khudozhestvennoy proze i dramaturgii M.I. Arbatovoy* [Soviet Ideological Discourse in Fiction and Drama by M.I. Arbatova]. *Vestnik Mariyskogo gosudarstvennogo universiteta*, 18(1), 92–99. <https://doi.org/10.30914/2072-6783-2024-18-1-92-99>
10. Krasikov, V.I. (2023). *V stoletnem tsivilizatsionnom protivostoyanii: preodolimy li raskoly i politicheskaya vrazhda v Rossii?* [The Century-Old Civilizational Confrontation: Can Splits and Political Enmity be Overcome in Russia?]. *Diskurs-Pi*, 20(2), 154–163. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_154
11. Krongauz, M.A. (2023). *Russkiy yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow: AST.
12. Kulikova, X.S. (2024). *Polilingval'naya sostavlyayushchaya artlanga na primere yazyka min'onov* [Multilingual Component of Conlang on the Example of Minionese]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, (2), 60–65.
13. Latour, B. (2014). *Peresborka sotsial'nogo: vvedenie v aktorno-setevuyu*

teoriyu [Reassembling the Social An Introduction to Actor-Network-Theory]. Moscow: Izdat. dom Vyssh. shk. ekonomiki.

14. Oleshkova, A. M. (2023). “Novoyaz” kak sposob diskursivnogo konstruirovaniya identichnosti [“Newspeak” as a Way of Discursive Identity Construction]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura*, (4), 68–73. <https://doi.org/10.24158/fik.2023.4.9>

15. Sedykh, T. N. (2023). Kontseptsiya nenasiliya Dzhudit Batler: vzglyad teoretika feminizma na problemy bor'by s nasiliem v sovremennom obshchestve [Judith Butler's Concept of Nonviolence: the View of the Feminist Theorist on the Issues of Combating Violence in Modern Society]. *Diskurs-Pi*, 20(1), 155–167. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_1_155

16. Shadi, M. (2018). The principles of Newspeak or how language defines reality in Orwell's 1984. *Journal of International Social Research*, (11), 180–186. <https://doi.org/10.17719/jisr.2018.2627>

17. Walia, R., & Chauhan, L. R. (2024). An Examination of the Pragmatism and Practical Application of Orwell's Newspeak via the Application of Saussure's Theory of Semiology. *International Journal of Novel Research and Development*, 9(4), 26–37. <https://doi.org/10.1729/Journal.38938>

18. Zizek, S. (2010). *O nasilii* [Violence]. Moscow: Evropa.

19. Zizek, S. (2014). *Nakanune Gospodina: sotryasaya ramki* [On the Eve of the Master: Shaking the Frame]. Moscow: Evropa.

20. Zizek, S. (2020). *Pandemic! COVID-19 Shakes the World*. New York: Polity.

Информация об авторе

Анна Михайловна Олешкова, кандидат исторических наук, доцент, Нижнетагильский государственный социально-педагогический институт (филиал) Российского государственного профессионально-педагогического университета, Нижний Тагил, Россия, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8542-6067>, e-mail: oleshkova@bk.ru

Information about the author

Anna Mikhailovna Oleshkova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Nizhny Tagil State Social and Pedagogical Institute, Branch of the Ural State Pedagogical University, Nizhny Tagil, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8542-6067>, e-mail: oleshkova@bk.ru
